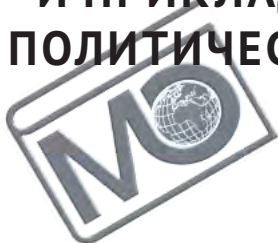

Раздел I

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Обществоведение должно признать, что наши истины не являются всеобщими и универсальными; что они, если вообще существуют, сложны, противоречивы и множественны.

Иммануил Валлерстайн

Глава 1. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

- **Знать** предметное поле, методологию и категориальный аппарат теории российской политики, ее особенности как дисциплины специализации.
- **Уметь** оперировать понятиями «политика», «российская политика», «категориальный аппарат», «научная парадигма».
- **Владеть** категориальным аппаратом теории современной российской политики.

1.1. Предметное поле теории современной российской политики

Мир современной российской политики полон острых дискуссий практически по всем ключевым проблемам общественной жизни: от модернизации, приватизации, национальных отношений и миграции до экологической политики и инноваций. Именно поэтому перед теорией современной российской политики стоит важная задача — с позиций науки попытаться объективно исследовать актуальные проблемы российской политики и предложить новые конструктивные подходы к их решению. Знания о мире российской политики необходимы представителям всех профессий, чтобы участвовать в политической жизни, развивать демократические институты и традиции, культуру политического участия. Научные знания о политическом процессе помогают избавиться от утопических иллюзий и сформировать реалистиче-

ские представления о политической жизни современной России, выработать умение цивилизованно защищать и отстаивать свои политические взгляды, права и свободы.

Мнение эксперта

Существует четкая грань между практической *российской политикой* и *теорией современной российской политики* в вузовской аудитории. Классики политической науки, среди которых особо следует выделить немецкого политолога **Макса Вебера** (1864–1920), подчеркивали, что политике нет места в аудитории. Профессора и студенты на лекциях и семинарах не должны заниматься политикой, превращая занятия в политические митинги и собрания. В работе «Наука как призвание и профессия» (1919) Вебер справедливо обращал внимание на то, что политолог обязан исследовать сферу политики как ученый, т.е. без гнева и пристрастия, поскольку практическая политическая установка и научный анализ партийной позиции – разные вещи¹.

Когда, например, в Государственной Думе происходят политические прения, из политической позиции не делают никакой тайны: ясно выразить здесь свои политические взгляды есть долг и обязанность политика. Слово политика, сказанное с трибуны парламента, – меч, направленный против политических противников, законное средство политической борьбы. Однако в студенческой аудитории, где преподаватель находится напротив студентов, которые должны молча слушать и записывать лекцию, а потом еще и сдавать экзамены, открытая и честная политическая полемика невозможна. Преподаватель теории российской политики, как и любой другой общественной дисциплины, не должен претендовать на роль пророка и политического демагога, поскольку это было бы нарушением профессиональной этики ученого и педагога.

Подлинный преподаватель, как и честный ученый, будет стремиться к тому, чтобы изложить научные проблемы объективно, всесторонне, показав научную полемику и разные точки зрения

---

¹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 721.

современной науки на политические проблемы. Например, если речь идет о развитии демократии в России, можно представить различные формы демократии в современном мире, в политической истории, показать их достоинства и недостатки, проанализировать, как они функционировали, какие последствия для жизненных отношений имели на разных этапах истории. Затем необходимо противопоставить демократии другие («недемократические») формы политических режимов и по возможности стремиться к тому, чтобы слушатели могли самостоятельно сделать выводы и занять собственную позицию по изложенным политическим проблемам.

М. Вебер весьма категорично настаивал: «Пророку и демагогу сказано: “Иди на улицу и говори открыто”. Это значит: иди туда, где возможна критика»¹. Перефразируя ученого, можно сказать, что *теория современной российской политики* — это специальная дисциплина, служащая делу самопознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение.

Позитивное значение **теории российской политики** как научной дисциплины состоит в том, что она прежде всего разрабатывает *методологию и научные подходы* к исследованию и решению актуальных российских политических проблем. Используя современный инструментарий политического анализа, она помогает исследовать новые явления политической жизни России и прогнозировать их возможные политические последствия. Именно в этом заключаются высшая ценность, конструктивная роль и значение теории российской политики в системе общественных наук, в жизни и развитии современного общества в целом.

Для любой науки весьма важным представляется определение ее *методологических оснований*. Именно **научная методология** стремится к наиболее полному постижению наличного и действительного в определенной области с помощью научного ин-

---

¹ Вебер М. Указ. соч. С. 731.

струментария. Начнем с традиционного — с определения *объекта* и *предмета*. Как справедливо заметил И. Валлерстайн, в некотором смысле вся научная деятельность есть процесс создания схем, и потому отсечение альтернатив — это черта любого процесса познания¹.

Объектом теории современной российской политики является политический мир современной России во всем его многообразии: деятельность государства, политических партий, общественных организаций, направленная на решение политических задач, выработку политического курса страны, управление общественной жизнью людей. Курс современной российской политики часто называют также *россиеведением*.

Предмет теории современной российской политики можно рассматривать в двух аспектах — широком и узком.

Современная российская политика в широком плане изучается в рамках бакалавриата. Этот курс представляет политику России в контексте взаимодействия всех политических акторов: лидеров, партий, организаций, различных ветвей государственной власти, политических элит, гражданского общества. В российской политике выделяют такие направления, как власть и ее институты; политические элиты и лидерство; политические режимы и формы правления; гражданское общество и политические партии; политическая культура и политическое сознание; социальная и этническая политика; процессы демократизации и модернизации России; политика в области обеспечения национальной безопасности и прав человека².

Определение понятия

М. Вебер полагал, что понятие «политика» имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает «все виды деятельности по самостоятельному руководству». Речь идет о внешней и внутрен-

---

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века: пер. с англ. М.: Логос, 2004. С. 219.

² Исаев Б.А., Баранов Н.А. Современная российская политика. СПб.: Питер, 2012.

ней политике государства, валютной политике банков, политике профсоюзов, культурной, бюджетной политике, наконец, политике корпораций. Особое значение при этом придается *узкоспециальному смыслу политики*: именно его имеют в виду, когда говорят о сфере *политической власти*. Сама этимология данного понятия обращена к властной сфере: греческое слово *politike* означает искусство управления государством, государственные и общественные дела. Именно поэтому М. Вебер определял *политику* как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»¹.

Теория современной российской политики в узком смысле рассматривает процесс разработки и реализации политического курса современной России (ее внутренней и внешней политики). Этот предмет изучается в магистратуре и предполагает усвоение теории, методологии и прикладного анализа, которые необходимы при разработке и исследовании российской политики. Предмет, несомненно, является более сложным и предусматривает подготовку высококвалифицированных экспертов, способных принять участие в разработке и реализации политического курса современной России.

Теория современной российской политики — междисциплинарная наука, которая опирается на достижения общей теории политики, политического анализа и прогнозирования, теории государственного управления, политической психологии и социологии, культурологии. Она использует весь методологический арсенал и инструментарий современной политической науки для исследования российских политических реалий. Важно подчеркнуть тесную взаимосвязь курса с политической историей России, поскольку современная российская политика уходит своими корнями в отечественную историю. В сложном комплексе современных политических наук теория современ-

---

¹ Вебер М. Указ. соч. С. 646.

ной российской политики занимает ключевое место при объяснении российских политических реалий, что весьма важно для подготовки отечественной политической элиты.

1.2. Ключевые научные парадигмы

Современное россиеведение опирается на особые исследовательские установки — *научные парадигмы*, т. е. осознанные или неосознанные каноны политического мышления, ориентирующие исследователей на определенную картину мира политики и различные аналитические стратегии.

Определение понятия

Научная парадигма — это совокупность норм, правил и ценностей, которые создают установку мышления, направленную на то, чтобы видеть явления в определенном свете или исследовать их в соответствующем методологическом ключе.

Политическая парадигма — это мировоззренческая система, в рамках которой складываются формы и направления политической деятельности. Тем самым политическая парадигма призвана обеспечить ценностный и мировоззренческий фундамент для разработки и реализации российской политики.

Ключевую роль для разработки и реализации современной российской политики играют четыре научные парадигмы: социокультурная (цивилизационная), информационная, синергетическая и инновационная.

Социокультурная (цивилизационная) парадигма

Основополагающее значение для объяснения и понимания современной политики имеет *социокультурная (цивилизационная) парадигма*, которая предполагает рассмотрение российской политики в контексте национальной культуры и цивилизационных традиций. Эта парадигма пришла в политику из культурологии, где успешно развивалась в течение предшествующих столетий. Для методологии цивилизационного анализа ключевым являет-

ся понятие *цивилизации*, появившееся в социально-политических исследованиях достаточно давно, еще в XVIII в.

Определение понятия

Принято считать, что понятие «цивилизация» ввели в научный оборот французские и английские просветители. По утверждению **Люсьена Февра** (1878–1956), видного французского историка, слово «цивилизация» впервые было использовано во франкоязычном тексте в 1766 г., в англоязычном – в 1773 г. Первоначально данное понятие означало триумф и распространение разума не только в политической, но также в моральной и религиозной области; просвещенное общество как противовес дикости и варварству; прогресс науки, искусства, свободы и справедливости и устранение войны, рабства и нищеты. «Цивилизация означала в первую очередь идеал и в значительной степени идеал моральный»¹.

С течением времени к *цивилизациям* начинают относить целые страны и народы в их развитом состоянии. В 1819 г. слово «цивилизация» впервые употребляется во множественном числе, что говорит о признании многообразия в цивилизационном развитии народов. Французский историк Франсуа Гизо (1787–1874) пишет «Историю цивилизации в Европе» (1828), затем «Историю цивилизации во Франции» (1830), а Генри Томас Бокль (1821–1862) публикует двухтомную «Историю цивилизации в Англии» (1857–1861).

В России цивилизационный анализ впервые был использован русским ученым **Николаем Яковлевичем Данилевским** (1822–1885) в работе «Россия и Европа», вышедшей в свет в 1869 г. Собственно, он и разработал цивилизационную парадигму как метод политического анализа, обратив внимание на то, что влияние культуры является решающим фактором в сфере формирования политики. Данилевский объяснил, что каждая цивилизация основана на какой-то исходной духовной предпосылке, «большой идее», «сакральной ценности», или первичном символе, вокруг

---

¹ *Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 242–247.

которых в ходе развития складываются сложные духовные системы, а вслед за этим и материальная оболочка в виде государств, государственных объединений и союзов, которые проводят свою политику. Данилевский подчеркивал, что в мире не может быть особых, привилегированных культурно-исторических типов, поскольку ни одна цивилизация не может создать «окончательные», универсальные формы общественного устройства. Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы всё поприще исторической деятельности человечества исходить во всех направлениях¹.

Законы развития цивилизации

Заслуга Н.Я. Данилевского состоит не только в том, что он ввел в политический оборот понятие «цивилизация» в качестве единицы анализа. Данилевский сформулировал *пять основных законов развития цивилизации*², позволив подойти к пониманию основных политических закономерностей ее развития, что должно находить отражение в политике.

1. Любые народы, говорящие на одном языке или принадлежащие к одной языковой группе, могут стать *культурно-историческим типом*, если они духовно способны к историческому развитию.

2. Непременным условием развития цивилизации является политическая независимость.

3. Начала цивилизации невозможно передать от одного культурно-исторического типа к другому: возможны только взаимные влияния друг на друга.

4. Цивилизация достигает своего полного расцвета лишь в том случае, если ее этнографический материал разнообразен.

5. Каждый культурно-исторический тип проходит определенные ступени эволюции, или «фазисы», по аналогии с жизненным циклом растений, животных и человека: цивилизации и народы, их составляющие, рождаются, достигают различных ступеней развития, стареют, дряхлеют и умирают.

---

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 109.

² Там же. С. 91–92.

Цивилизация — живой организм, возникающий и развивающийся в пространстве по определенным законам, которые важно учитывать при разработке политического курса. Так, внешняя политика последовательно должна быть направлена на укрепление политической независимости, отстаивать цивилизационное своеобразие, исключать слепое политическое копирование чужих политических образцов, пусть даже вполне прогрессивных: у каждой цивилизации свой путь.

Самой большой опасностью при разработке политики Данилевский считал *отрыв от национальных истоков*. Как ни важны при обыкновенном, мирном течении жизни экономические и финансовые вопросы, торговые, колониальные или дипломатические выгоды, все они отступают на второй план, когда речь идет о духовной жизни и смерти народов, т. е. об исполнении ими исторического призвания. Для народов и государств, так же как и для частных лиц, всевластные миллионы теряют свое значение там, где встает вопрос о жизни и смерти.

Данилевский формулирует политический закон о защите российской цивилизации с помощью *дисциплинированного энтузиазма*. В решительные минуты, кризисы народной жизни на первый план выступают не деньги и даже не та или другая военная организация, а два этих нравственных двигателя, при посредстве которых только и возможно то напряжение всех сил народных, что все сокрушает и ничем само сокруσιμο быть не может. «Это — дисциплина, или дар повиновения, или энтузиазм, или беспредельная готовность к самопожертвованию»¹.

Н. Я. Данилевский. Интерпретация

Если талант военачальника есть дело случая или дар провидения, кои никто предусмотреть не может, то *нравственный дух* войск — та главная сила, что в итоге и решает успехи войн, — принадлежит к постоянным, коренным народным свойствам, которые не могут быть ни приобретены, ни чем-либо заменены. Счастье и сила России в том и заключаются, уверен Данилевский, что само

---

¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 458.

ее дело правое: оно одно может непосредственно возбудить ее до самоотвержения, если только будет доведено до сознания народа всеми путями гласности.

С начала XVIII в. на долю России выпало бороться с тремя величайшими военными гениями Новейшего времени, которые были одновременно и полководцами, и государями, а следовательно, могли располагать полной свободой действия и всеми ресурсами своих стран. Речь идет о Карле XII, Фридрихе II и Наполеоне I. Из борьбы со всеми тремя Россия вышла победительницей, добавив к этому победу над Гитлером в XX в. Победу в этих войнах Россия одержала не с помощью финансовых операций, займов или военной техники: победил несокрушимый народный дух. Удержать пространство цивилизации может только сила народного единения.

Итак, **цивилизационная парадигма в российской политике** предполагает, что главным фактором, интегрирующим пространства России, является *цивилизационная идентичность*. Основное следствие этого закона гласит: «политическое раздробление в среде одного и того же культурно-исторического типа имеет вредную сторону, состоящую в том, что оно лишает его политической силы, а следовательно, возможности успешного противодействия внешнему насилию»¹.

Пример

История знает немало примеров, подтверждающих действие указанных закономерностей. Так, в Древней Греции не только всякие незначительные этнографические оттенки, но часто даже случайные обстоятельства являлись основанием для образования самостоятельных геополитических единиц. Это стало одной из главных причин кратковременности независимой политической жизни античной Греции, закончившей свое развитие под чуждым игом. Политическая система Европы, напротив, служит положительным примером действия этого закона. Европа в ее настоящих и естественных границах как

¹ Там же. С. 102.

культурно-исторический тип объемлет собой романо-германский мир. Понятие «европейский интерес» – не пустое слово для француза, немца и англичанина: оно наполнено смыслом, который ясен каждому из них, независимо от интересов Англии, Германии или Франции.

В XX в. выдающиеся европейские мыслители М. Вебер, А. Тойнби, П. А. Сорокин, О. Шпенглер подчеркивали особую роль **религиозной этики** в формировании цивилизационной идентичности. Они утверждали, что цивилизации представляют собой *типы человеческих сообществ*, создавших уникальные формы религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев. Эти социокультурные притяжения — *вера, почва и кровь* — для народов, принадлежащих к одной цивилизации, в ситуации политического выбора являются более значимыми, чем любые экономические или политические выгоды.

Таким образом, **социокультурный анализ в политике** предполагает серьезное ценностное обоснование политического курса страны с точки зрения архетипов и кодов национальной культуры, активизации в общественном сознании древней сакральной триады «вера, почва и кровь». Для этого необходимо обратиться к той интерпретации цивилизационной парадигмы в политике, которая вошла в современный дискурс как *концепция столкновения цивилизаций*.

Научная полемика вокруг «столкновения цивилизаций»

Модель «столкновения цивилизаций», которую разработал американский политолог **Сэмюэль Хантингтон** (1927–2008), положена в основу внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Модель базируется на том, что международная система, которая прежде состояла из трех блоков («первого», «второго» и «третьего» миров), ныне перестраивается, превращаясь в новую систему, состоящую из восьми «главных» цивилизаций: китайской, японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и африканской. По Хантингтону, состояющиеся силовые блоки будут отличаться именно при-

надлежностью к цивилизациям, а не к нациям и идеологиям, как было прежде. Ведь «в конечном счете для людей важны не политическая идеология или экономические интересы. Вера и семья, кровь и убеждение — это то, с чем люди себя идентифицируют и за что они будут биться и умирать», так что «столкновение цивилизаций заменит холодную войну как главный фактор глобальной политики»¹.

По мнению С. Хантингтона, различные цивилизации вырабатывают разные культурные ценности, которые гораздо труднее примирить, чем идеологический конфликт классов: бархатный занавес культуры разделяет народы значительно сильнее, чем железный занавес идеологий в период холодной войны. Культурную приверженность людей Хантингтон называет первобытной, подсознательной, исконной. Фундаменталистское прочтение цивилизационной идентичности в этом случае становится веским аргументом в пользу «неразрешимости» цивилизационных противоречий в современном мире, когда западные идеи индивидуализма и демократии сталкиваются с религиозными верованиями незападных народов. Но даже если это так, возникает вопрос: почему несовместимые культурные ценности должны непременно вызывать политические и военные столкновения?

С. Хантингтон пытается убедить нас в том, что современные цивилизации представляют собой *гомогенные* образования, разделяющие единые исконные культурные ценности, и потому общества, которые объединились в силу исторических или идеологических причин, но разделены цивилизационно, либо распадаются, как это произошло с Советским Союзом, Югославией и Эфиопией, либо испытывают огромное напряжение. Между тем современная культурная антропология опровергает такой примитивный взгляд на проблему. Вопреки представлениям адептов «монолитности» каждая цивилизация состоит из *гетерогенных* начал: именно они образуют источник ее динамики. *Внутреннее разнообразие* выступает залогом повышенной жизнестойкости и адаптивности, способности приспосабливаться к изменениям среды.

---

¹ Huntington S. If not civilizations, what? // Foreign affairs. 1993. Nov.—Dec. Vol. 72. № 5. P. 187.

Проблема цивилизационной самоидентификации — это проблема сложных, рафинированных и оттого чрезвычайно хрупких синтезов в области культуры. Мировые религии каким-то высшим нормативным кодом объединяют множество подвластных им этнокультурных локусов. При формировании этих религий в прошлом заметную роль играл *межконфессиональный* диалог, о чем свидетельствует современное сравнительное религиоведение. Многие цивилизации являются *поликонфессиональными*, их питает напряженная энергетика разных религиозных полюсов: католического и протестантского (Запад), православного и мусульманского (Россия), буддистского и конфуцианского (Тихоокеанский регион).

Каждая цивилизация характеризуется устойчивым *плюрализмом этнокультурных миров*, что также является источником ее динамики. Мировое сообщество сегодня состоит примерно из 180 государств, и только 15 из них можно назвать нациями в том смысле, в котором большинство людей считает себя принадлежащими к этой *нации*, т.е. имеющими общих предков и культурную идентичность. Для государств естественно быть *многонациональными*, до 40% населения в таких государствах могут относиться к пяти или более четко выраженным нациям. Почти в трети случаев самая большая нация не составляет большинства в государстве. Но если это типично для многонациональных государств, то тем более характерно для *цивилизаций*: многие страны сегодня находятся одновременно внутри одной цивилизации и сами состоят из множества цивилизаций.

С. Хантингтон хочет убедить нас в том, что традиционные ценности каждой культуры неизменны и незыблемы, а люди привержены им первобытно и подсознательно. Однако современные антропологи рассматривают *культурные традиции и ценности* как permanently развивающиеся явления, которые постоянно включены в процесс социального и культурного цивилизационного строительства. Культурные ценности и традиции развиваются в соответствии со сложными условиями исторической практики. Культурный материал цивилизаций настолько богат, многообразен и противоречив, что может быть использован в разных исторических условиях для создания широкого разнообразия альтернативных ценностей, процесс образования которых обусловлен не столько традиция-

ми, сколько потребностями времени и условиями, где развивается культура. Американский антрополог Найджел Харрис в книге «Вера в обществе» подчеркивает, что культура — это «не какая-то внешняя смиренная рубашка», а «многослойная одежда, и отдельные ее слои человек может сбросить и сбрасывает, если они начинают мешать движению»¹.

Любое политическое определение культурных ценностей отражает выбор, сделанный современными политическими лидерами в ответ на возникшие проблемы. Например, феномен современного исламизма — это в значительной степени явление XX в. Конечно, исламисты используют культурный материал, относящийся ко времени пророка Мохаммеда. Но те обычаи и традиции, которые отбираются исламистами для оживления национальной культуры, зависят не от диктата древних устоев, а от понимания роли и значения этих традиций в современных условиях. Другая часть культурного материала — совершенно новая, она отражает сегодняшние достижения исламского мира: огромные доходы нефтяных компаний, экономические, политические, военные реалии исламского мира.

Сырой материал культурных традиций всегда использовался да и впредь будет использоваться политиками для обоснования своих целей, поэтому процесс формирования культурных ценностей продолжается и сегодня, как тысячелетия назад. Вопрос о том, грозит ли нам «столкновение цивилизаций», — это во многом вопрос осознанного выбора политическими лидерами и элитами своего ответа на вызов других культур. Современная политическая конфликтология справедливо считает, что конфликты на почве чисто культурных ценностей разрешаются значительно легче, чем экономические или идеологические противоречия. Хантингтон ошибочно настаивает на их неразрешимости. Хотя взаимное доверие, признание и терпимость значительно легче продемонстрировать, чем поступиться материальными интересами.

Культурные противоречия обостряются, когда в рамках существующей политической системы невозможно удовлетворить основные человеческие потребности для всех членов общества; когда

---

¹ Цит. по: *Rubenstein R. E., Crocker J. Challenging Huntington // Foreign Policy. 1994. № 96. P. 118.*

начинается борьба за индивидуальное и коллективное выживание. Многие современные конфликтологи (Дж. Бартон, П. Сайтес, Р. Рубинштейн, Ф. Крокер) полагают, что наиболее серьезные политические конфликты генерируются не столкновением ценностей, а неспособностью существующих систем удовлетворить основные потребности людей. Ни для кого не секрет, что в современном мире основные сражения происходят не вокруг культурных идеалов, а из-за экономических интересов: идет борьба за рынки сбыта и источники сырья.

В целом концепция С. Хантингтона очевидно преследует цель доказать мировой общественности, что центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между Западом и другими цивилизациями. «Запад против остального мира» – этот красноречивый заголовок одного из разделов статьи Хантингтона весьма подходит и для названия всей работы, и в целом для американского внешнеполитического курса. Идеологический подтекст выступления автора очевиден: сплотить западный мир, дать ему новую консолидирующую идею.

Культурные ценности вполне могут стать основой для политической мобилизации масс. Чаще всего это происходит в ответ на действия экзогенных факторов, когда существует агрессивный вызов других культур. Проблема заключается в том, чтобы не создавать подобных ситуаций. Сегодня, как и в предыдущие столетия, мир на планете во многом зависит от доброй воли и усилий разных народов и их политических лидеров. Концепция «столкновения цивилизаций» уведит политиков от перспективы разрешения международных конфликтов в сторону однозначной конкуренции и противостояния. Опасность такого подхода очевидна, и вопрос необходимо перевести в принципиально иную плоскость: цивилизационный анализ в политике должен стать основой для диалога цивилизаций. Политика современной России направлена именно по такому пути.

Информационная парадигма

Помимо цивилизационной парадигмы в современной российской политике важную роль играют научные парадигмы,

возникшие под влиянием глобализации и информационной революции. Новые политические парадигмы формируются на каждом очередном этапе политической истории, что призвано отразить возникновение новых феноменов в мире политического, которые невозможно описать и объяснить языком прежней научной теории.

Информационная парадигма в российской политике формируется под влиянием информационной революции. В центре новой парадигмы находится идея *информации как главного фактора политического процесса*, когда под воздействием информационных технологий стремительно меняются политические институты, формы политического господства, динамика политического времени и пространства. Особую роль при этом играет новое измерение политического процесса — *виртуальное политическое поле*, где с помощью информационных технологий разворачиваются неизвестные ранее формы политической борьбы.

Современный мир российской политики — это особая форма человеческой практики, в рамках которой россияне решают свои жизненные проблемы с помощью механизмов политической власти. С развитием информационной революции паттерны политической практики чрезвычайно расширились, впервые охватив и виртуальное пространство. Формирование сетевых информационных структур заставило по-новому посмотреть на проблему организации политической власти в российском обществе. Если раньше политологи ориентировались преимущественно на изучение политических институтов и процессов, то в условиях информационного общества все чаще обращаются к изучению *виртуального политического пространства* — политических коммуникаций, образов, символов, имиджей. В современном информационном обществе политическая борьба все чаще разворачивается в *информационном поле*, куда переместился передовой край политики. Особый смысл приобретают *духовные, цивилизационные культурные факторы*, роль и значение которых только усиливаются с развитием информационной революции.

Реалии информационного общества поставили перед российскими политиками новую нетрадиционную задачу: проанализи-

ровать роль информационных воздействий на решение проблемы завоевания и удержания политической власти. Дело в том, что информационное воздействие способно изменить главный политический потенциал общества — национальный менталитет, культуру и моральное состояние людей. Каналы коммуникаций всего мира становятся виртуальной силовой ареной политической борьбы, на первый взгляд невидимой и бескровной, но в действительности жестокой и беспощадной. Новая информационная парадигма политики означает, что в XXI в. судьба российской политической власти во многом будет зависеть от того, кто станет обладать информационным превосходством в виртуальном пространстве страны. Да и само политическое пространство в информационном обществе — понятие в первую очередь *информационное*: тот, кто контролирует источники информации на данном политическом пространстве, тот контролирует и само политическое пространство.

Из официального источника

В *Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы* подчеркиваются приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на них норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий. Предполагается формирование национальной электронной библиотеки и иных государственных систем, включающих в себя объекты исторического, научного и культурного наследия народов России. Но самое главное — сделан акцент на необходимости популяризации русской культуры и науки за рубежом, в том числе для противодействия попыткам искажения и фальсификации исторических и других фактов¹. Таким образом, бережное сохранение символического капитала русской культуры в мировом информационном пространстве сегодня становится важнейшей государственной задачей.

---

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/page/2> (дата обращения: 19.05.2017).

Важнейшим направлением исследований в теории российской политики является изучение роли связей с общественностью, новых информационных технологий, которые используются при информационном сопровождении российской политики. Ключевое значение в информационном обществе приобретают положительный имидж России, разработка эффективной имиджевой стратегии. Успех российской внешней политики во многом зависит от умелого использования ресурсов «гибкой власти»: символического капитала национальной культуры, политических ценностей и смыслов, сконцентрированных в новом имидже страны. Для современной российской политики одной из приоритетных задач является формирование имиджа России как страны с четкой картиной будущего, рождающей позитивные ассоциации как у россиян, так и у народов других стран. Привлекательный имидж России — это власть ее политических идеалов и культурных символов, обаяние политических лидеров и достижений культуры, которые непрерывно транслируются по мировым каналам коммуникаций и заставляют позитивно говорить о себе весь мир.

Современная научная картина политического мира характеризуется сложностью, динамичностью, открытостью, многовариантностью политических процессов в России, их виртуальной составляющей. Это существенно отличается от догматической узости, одновариантности и монологичности политических подходов прошлого. Стремительное развитие информационных технологий, с одной стороны, приводит к разрушению старых институтов политической власти, а с другой — способствует возникновению новых противоречий и конфликтов в современном российском обществе. Необходимость изучения посттрадиционных политических акторов с нестандартными формами политического поведения толкает на путь перехода к мягкому политическому мышлению, гибким политическим технологиям, рассчитанным на многомерность и пластичность объектов. Главная проблема постклассической методологии — поиск новых механизмов исследования процесса самоорганизации сложных, нелинейных, стохастических процессов постклассического мира российской политики.

Все описанные выше процессы способствуют утверждению двух других ведущих постклассических парадигм при разработке российской политики: *синергетической* и *инновационной*. Синергетический подход делает основной акцент на проблемах самоорганизации политических процессов в информационном обществе, а инновационная парадигма предлагает новые креативные решения сложных проблем.

Синергетическая парадигма

С позиций *синергетики*, науки о самоорганизации сложных систем, при разработке российской политики необходимо принимать во внимание все многообразие факторов, влияющих на политический процесс со стороны других сфер жизни общества: экономики, экологии, культуры, общественной жизни, географии, демографии.

Синергетическая парадигма предполагает расширение ракурса политических исследований, обязывает политиков при формировании стратегического курса исходить не только из анализа политических составляющих, но непременно учитывать сложные опосредованные воздействия внеполитических факторов на политические процессы. Синергетика нацеливает на определение *бифуркаций*, или *кризисов*, в процессе реализации политического курса и соответственно предполагает формирование антикризисной политики, антикризисных политических коммуникаций, что приводит к оформлению новых важных направлений в теории современной российской политики.

Синергетическая парадигма базируется на теории *открытых систем*, обладающих важным преимуществом — способностью к самоорганизации на основе активного обмена энергией и информацией с окружающей средой. В парадигме синергетики российская политика как открытая система проходит две сменяющие друг друга фазы: *линейную* (эволюционную), когда развитие идет в установленном режиме, который относительно детерминирован прошлым системы, и *бифуркационную* (кризисную) фазу как стадию многовариантности выбора дальнейшего политического курса.